

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

поэзии вообще. Теперь к ней присоединяется исследование Н. Pèrès'a. С совершенно иной установкой, чем первая, оставляющее в стороне ряд вопросов поэтической техники, оно является все же лучшей работой по истории арабско-испанской поэзии за все последнее время. Но этого мало, — будучи очень интересным по своим приемам, оно гораздо шире заглавия и дает серьезную монографию по истории арабской культуры в Испании.

И. Крачковский

Июнь 1938 г.

L'Espagne vue par les voyageurs musulmans de 1610 à 1930. Par Henri Pèrès (Publications de l'Institut d'Études orientales. Faculté des Lettres d'Alger, VI). Paris, Adrien Maisonneuve, 1937, 8°, XXIII, 198.

Работа представляет большой интерес не только для культурной и социальной истории Испании, но и для арабской литературы, притом в двух аспектах — географической письменности и новой литературы. По содержанию она распадается на две неравных части: первая (стр. 5—51) дает обзор путешествий марокканских посланников в Испанию с 1690 по 1885 г., оставивших письменный след; вторая (стр. 52—171) — путешествий арабских литераторов и публицистов из Стамбула, Египта и Сирии с 1887 по 1930 г. В первой части автору приходилось обращаться почти исключительно к рукописным материалам: на основе их даны характеристики наиболее ценных путешествий ал-Везйра ал-Гассанй (1690—1691), ал-Газзаль (1766) и ал-Кардудй (1885). Для второй в его распоряжении были печатные произведения соответствующих авторов; однако и здесь он имел возможность охарактеризовать почти неизвестного путешественника в Испанию аш-Шинкытй (1887) благодаря привлечению его рукописных набросков, сохранившихся у тунисского ученого Х. Х. 'Абд ал-Ваххаба.

Принятая Pèrès'ом система изложения дает ясное представление о самих авторах и об их произведениях. Он приводит в переводе обширные извлечения из сочинений, сообщает био-библиографические сведения о писателях, не ограничиваясь характеристикой только данной их работы. Таким образом, большинство глав превращается в самостоятельные монографии, с которыми необходимо будет познакомиться всякому интересующемуся тем или иным автором.

Главы, посвященные средневековым путешествиям, естественно представляют более узкий интерес для истории сношений Испании с Марокко, но они дают не мало ценных черт и для характеристики культурного состояния в соответствующую эпоху. Самые произведения примыкают к традиции хорошо известного типа «рихля» (хождений) и не поднимаются выше сред-

него уровня, хотя в специальной области марокканской литературы некоторые авторы иногда заслуживают внимания. Во второй части картина меняется: почти все арабские путешественники этого периода оказываются лицами с крупным литературным именем. Если оставить в стороне более оригинальную, чем выдающуюся, фигуру ученого схоластика упомянутого уже аш-Шинкытй и его спутника, малоизвестного тунисца ал-Вардāнй, то здесь мы встречаем (в хронологическом порядке путешествий) одного из крупнейших египетских ученых, недавно умершего Ахмеда Зекй (1892), деятеля национального освободительного движения в Египте Мухаммеда Ферйда (1901), крупнейшего египетского поэта Ахмеда Шауки (1915—1919), президента арабской академии в Дамаске Мухаммеда Курда 'Али (1922), автора одного из лучших путешествий в Хиджаз Мухаммеда Ляйба ал-Батанунй (1926), наконец, талантливого молодого художника Мустафу Фаррұха (1930). Перед читателем в живом, чисто французском изложении автора проходит целая галерея типов современной арабской литературы, и книга в этой части превращается в остроумно задуманную и хорошо выполненную монографию из этой области.

Конечно, и здесь автор не теряет из виду Испанию; все замечания путешественника и его оценки, все сообщения о тех или иных фактах сопровождаются критическим разбором и проверкой, рисующими в настоящем виде как действительное положение вещей, так и отношение писателя к своей задаче. Автор привлекает обширный параллельный материал из европейской и арабской литературы, известное представление о размерах которой дает приведенная им библиография (стр. XI—XXIII); он не останавливается перед кропотливым трудом выяснения источников арабского писателя, особенно, когда они не указаны. Картина иногда получается неожиданная и не всегда в пользу писателя с громким именем; во всяком случае она поможет будущим исследователям найти верный путь для характеристики писательского облика данного лица в целом. Автор не принадлежит к типу ученых, стремящихся к эпическому спокойствию, старательно заглушывающих все субъективные моменты своего исследования: он имеет собственный взгляд и на прошлое Испании и на ее современное положение (конечно, до последней войны); так как его взгляды основаны и на научном изучении истории и на непосредственном знакомстве с настоящим во время пребывания в Испании, то его разбор арабских описаний приобретает особо авторитетное значение. Его книга представляет одинаковый интерес и для специалиста и для простого читателя; в деталях она много дает первому, своими

обобщающими частями (стр. 1—4, 173—180) заставит немало задуматься второго. Обстоятельно и продуманно составленные индексы (стр. 181—193) дают возможность использовать работу для самых разнообразных целей вплоть до вопросов арабской терминологии по искусству (ср. стр. 165).

Громадный привлеченный материал и широкое построение работы, конечно, в отдельных частностях допускают дополнения и поправки: имя современного арабского писателя читается не *Ḥawṣiḍ* (стр. XVI, 101, прим.), а *Ḥūrīḍ*, как говорит и персидская этимология; автор статьи о юбилее поэта Шауки не I (gnazio), а M(ichelangelo) Guidi (стр. XVI, 101 прим.); исправляя цитату из Корана у арабского автора, Pèrès сам погрешает в ней: *vm. Inna* надо читать *In* (стр. 169, прим. 3). В целом книга является очень оригинальным и содержательным вкладом в современную арабистику, обнаруживающим большую инициативу и самостоятельность автора.

И. Крчковский

Июнь 1938 г.

Das Bild des Frühislams in der arabischen Dichtung von der Hīḡra bis zum Tode 'Umar 1—23. d. H. (622—644 n. Chr.). Von O m a r A. F a r r u k h, B. A. aus Beirut in Syrien. Leipzig, August Pries, 1937, 80, XV, 142.

Работа дает частичный ответ на один до сих пор не решенный полностью вопрос из истории арабской литературы — о роли ислама в развитии арабской поэзии.

С одной стороны, обыкновенно выяснялось, что это влияние было задерживающим: условия жизни в эпоху зарождения ислама и распространения его за пределы Аравии были не таковы, чтобы содействовать культивированию поэзии, остававшейся по преимуществу светской. Поэтому, в переходный период до эпохи омейядов заметно количественное уменьшение продуктов поэтического творчества; в частности, и автор новой книги констатирует (стр. 21), что в последние годы жизни Мухаммеда (после взятия Мекки в 8 году хиджры) «мусульманская поэзия, как внутри, так и вне мединских кругов молчала».

С другой стороны, предшествующие исследования послеисламской поэзии, вплоть до омейядской эпохи включительно, до сих пор показывали, что она и сюжетно и конструктивно продолжала традиции доисламской поэзии: достаточно вспомнить творчество классической омейядской триады — ал-Ахтала, Джерйра, ал-Фараздака (ср. стр. 127) или даже «последнего бедуина» Зу-р-румму.

Автор ставит себе задачей (стр. 9) выяснить следы проникновения идеологии ислама в памятниках поэзии за хронологически ограниченный им в заглавии работы период времени до смерти халифа

Омара. Предшественником его в постановке аналогичной темы был только профессор J. Hell, осветивший в специальной статье отношение к исламу стихотворений племени хузейлитов, жившего около Мекки и Таифа.

Значение интересной и ценной работы для общей истории поэзии несколько ослабляется тем, что материал приходится извлекать, естественно, главным образом из ближайшего окружения Мухаммеда — произведений его панегиристов Ḥaṣṣāna ibn Ṣābita, Ka'ba ibn Mālika и других, которые не в полной мере могут считаться отражением всей арабской поэзии их эпохи. Автор, однако, принял все меры к тому, чтобы читатель имел ясное представление о том, к какой среде относится каждый отдельный пример, классифицировав поэтов по трем основным группам — мусульманской среды в Медине, вне Медины и языческой (ср. стр. 5—6). Соотношение между ними в смысле появления отдельных стихов, связанных с исламом, далеко не всегда таково, как можно предположить *a priori*: в отдельных случаях, например, насыщенность ими внемединской среды сильнее, чем в самой Медине. Дифференциация материала произведена и хронологически почти относительно каждого примера автор устанавливает, к какому году хиджры он относится, и анализ все время производится в строгой последовательности. Ряд таблиц, классифицирующих основные термины, не мало содействует наглядности выводов.

Руководящий прием построения всей работы — терминологический анализ. Автор изучает постепенное появление в поэзии мусульманских терминов, относящихся к догматике (имена и эпитеты Аллаха, титулы пророка, названия ангелов и злых духов, смерти и воскресения, рая и ада), а затем к учению об обязанностях (молитвы, пост и т. д.). Не надо подчеркивать, насколько эта система оказывается полезной не только для анализа частных вопросов поэзии, но и более общих тем доисламской религии или коранической терминологии. В связи с последним сюжетом особенное значение приобретает одна из специальных глав работы (Die frühislamische Dichtung und der Qur'an, стр. 67—85). Конечно, не все вопросы выдвигаются автором впервые; многое затрагивалось и раньше, однако систематический и детальный анализ оказывается всегда полезным, и история даже таких известных терминов, как *dīn* или *birr* (86—97), после работы автора выступает отчетливее.

Конечно, одним терминологическим анализом исследование не ограничивается. Помимо введения (стр. 1—9), в котором дана характеристика поэзии как исторического источника, классификация раннемусульманских поэтов, обрисована цель работы,

и упомянутой уже главы об отношении к Корану (67—85), наиболее ценны два отдела. Первый — о социальной этике (стр. 112—127) — разбирает отражение в поэзии новых введенных исламом взглядов на отношение к женщине, вину, азартным играм, кровавой мести; второй — об исламе и арабском национализме (стр. 128—134) — выясняет, между прочим степень употребительности самого слова «арабы» и постепенного зарождения чувства национальной солидарности и национальной гордости. В этих главах оттенен ряд фактов, освещающих некоторые стороны общей истории поэзии за данный период; особый интерес представляет характеристика тех модификаций, которым подвергались постепенно под влиянием ислама основные сюжеты таких древних форм, как хиджā 'поношение врагов' или фахр 'самовосхваление' (стр. 132—134). Только путем таких детальных исследований постепенно подготавливается прочная почва для синтезирующей истории арабской поэзии.

Материал привлечен автором в поставленных рамках полностью, как по западным, так и восточным изданиям. Все примеры даются не только в переводе, но и в тексте, облегчающем проверку. Несколько раз почему-то перевод дан в немного сокращенном виде (стр. 61, 88, 125); только в двух случаях я заметил небольшую неточность: стр. 11 — جزی عنا الاله — 'Gott strafe statt unserer' ем. 'für uns' и стр. 73 — وثمى على المشركين القتالا... 'und Kampf gegen die Heiden verdoppelt' ем. 'dirigiert'. Все стихотворные примеры сопровождаются указанием размера, которое значительно облегчает их разбор (стр. 65, ем. ṭawīl чит. kāmīl). Иногда встречаются мелкие недоразумения с передачей собственных имен [напр. Fanīd ем. Find (стр. 86 и 136); даже Musailama ем. Musailima несколько раз как в арабском шрифте, так и в указателе (стр. 25, 93, 139); Abū Baker (стр. 20) объясняется опечаткой]. В слове Рахмāн конечное ān автор по недоразумению считает (стр. 23) за определенный артикль южноарабского языка: суффикс относится к самому слову, а с артиклем оно имеет в надписях форму «Рахман-ан».¹ Арабский текст дан мелким, но очень четким арабским шрифтом; изредка в нем попадаются опечатки (напр. на стр. 11, 12, 22, 47, 61, 96, 114, 122, 124, 131), обыкновенно не вызывающие затруднения при чтении.

Автор не новичок в занятиях арабской поэзией: он сам поэт,² на родном языке ему принадлежат две удачно составленных

научно-популярных брошюры об Абū Ну-вāсе и Абū Теммāме (Бейрут, 1932—1933 и 1936); обе они сопровождаются иллюстрациями его брата Мустафы Фаррūха, художника со специальным европейским образованием, полученным в Риме и Париже, недавно опубликовавшего любопытное описание своего путешествия по Испании.¹

В заключение отметим не лишенный интереса штрих: немецкая книга, говорящая о серьезной западноевропейской научной школе, представляет собою докторскую диссертацию, защищенную в 1937 г. на философском факультете Эрлангенского университета арабом, уроженцем Бейрута в Сирии.

И. Крачковский

Февраль 1938 г.

ПЕРЕВОД КОРАНА Д. Н. БОГУСЛАВСКОГО

Подготавливая с начала 20-х годов новый перевод Корана, я, естественно, старался ознакомиться со всеми существующими, в первую очередь русскими, для того чтобы выяснить прежде всего для самого себя, есть ли необходимость в новом переводе и может ли он представить какой-нибудь шаг вперед сравнительно с предшествующими. Материал на русском языке был незначителен, так как переводы не с оригинала для моей цели представляли только второстепенный интерес;² понятно поэтому, какой приятной неожиданностью для меня явилось случайное приобретение в феврале 1928 г. рукописи полного перевода с арабского и примечаний к нему Д. Н. Богуславского. Каких-нибудь упоминаний об этой работе в печатной литературе я не нашел, но некоторые архивные данные со временем обнаружили. Без труда мне удалось идентифицировать и личность переводчика, главным образом в связи с начатыми мною около этого же времени исследованиями арабских материалов, касающихся биографии и эпохи Шамиля. В частности, мною было издано одно письмо последнего, адресованное Богуславскому, и там же сообщены бывшие тогда в моем распоряжении краткие биографические сведения,³ которые теперь я могу несколько дополнить.

¹ Бейрут, 1933; подробный анализ его с биографическими сведениями про автора дан у: H. Pégès. L'Espagne vue par les voyageurs musulmans de 1610 à 1930. 1937, 161—171.

² Конечно, я не проходил совсем мимо них: в своей статье «Русский перевод Корана в рукописи XVIII века» (Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Л., 1934, 219—226) я коснулся вообще переводов XVIII в.

³ Записки Института востоковедения Академии Наук СССР, II, 1933, 5—6.

¹ K. Conti Rossini. Chrestomathia arabica meridionalis. Roma, 1931, 240.

² Ср.: A. R. Nykl. El Cancionero del Seif... Aben Guzman. Madrid, 1933, XXXIV—XXV.

Военный по профессии, Дмитрий Николаевич Богуславский родился в 1826 г., умер 12 января 1893 г. и похоронен на Волковом кладбище в Ленинграде.¹ К сожалению, официальные данные, говоря достаточно подробно о его продвижении в чинах, в то же время не дают возможности уловить путей, по которым развивались его востоковедные интересы и шло востоковедное образование; для своего времени и обстановки оно было несомненно выдающимся. Богуславский окончил курс Михайловского артиллерийского училища и уже в 1841 г. числится на службе;² совсем молодым, в 1848 г. Богуславский упоминается поручиком артиллерии в провинции в Тарусе.³ В конце 50-х годов он пишет историю восточной войны 1853—1855 гг., находясь в Варшаве при наместнике М. Д. Горчакове.⁴ Ко времени его сближения с Шамилем в Калуге он состоял старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба (1856—1862), а затем драгоманом Министерства иностранных дел (1862—1870).⁵ Последняя должность привела его, в звании первого драгомана посольства, в Константинополь,⁶ где, вероятно, начал слагаться перевод Корана, как увидим по предисловию к нему. Впоследствии Богуславский был членом военно-учебного комитета Главного штаба, о чем упоминается в одном заявлении его вдовы в Академию Наук, о котором еще будет речь.

По всем этим данным остается неясным, где Богуславский в молодости получил свою востоковедную подготовку. Другой источник позволяет нам установить несомненную связь с факультетом восточных языков С.-Петербургского университета. В одной записке 1864 г. бывший декан его А. К. Казембек (1801—1870), между прочим, писал: «Достойный ориенталист Богуславский, ныне товарищ 1-го драгомана в Константинополе, никогда не был в Вос-

точном отделении Азиатского департамента; он начал и кончил свое учение у наших профессоров и преподавателей, подвергнул себя испытанию в нашем университете и своими стараниями, имея, конечно, под рукою все к тому пособия у нас, без этого учебного заведения при Азиатском департаменте, дошел до той важной должности, которую с честью исправляет ныне: осмеливаемся полагать, что Министрство иностранных дел из среды воспитанников своего учебного отделения лучшего чиновника не имело».

Авторитет его в востоковедных делах уже к концу 50-х годов стоит высоко, и отношение военных властей отражается в формулировке приказов о причислении его к Шамилю. Отношением военного министра от 17 сентября 1859 г. ему поручаются «все распоряжения по пребыванию Шамиля в Москве и в Петербурге»,¹ а 6 октября предлагается сопровождать Шамиля до Калуги и устроить его там, как «хорошо знакомому с языком Шамиля и восточными нравами».² Можно было бы предполагать, что это знакомство Богуславский, как и многие другие военные деятели, приобрел на Кавказе, однако его имя в рассказах о событиях этой эпохи там не встречается. В противоположность своим преемникам при Шамиле — Руновскому и Пржедлавскому — он отличался большой сдержанностью и неохотно выступал в печати со своими впечатлениями и воспоминаниями: ему принадлежит только одна небольшая статья под инициалами Д. Б. «Некоторые биографические подробности о Шамиле».*

В Константинополе интересы Богуславского постепенно расширились, захватив область не только арабской, но и персидской и турецкой литературы. Об этом говорят остатки его материалов, которые одновременно с приобретением мною рукописи Корана предлагались Азиатскому музею. Среди них находился французский перевод известного сборника преданий ал-Муавватта, русский перевод популярной антологии «Сорок хадисов», копия турецкого перевода известного «Домостроя» Кабу́с намэ и т. д. Он был знаком с крупным персидским либералом Мальком-ханом (ок. 1833—1908), как это подтверждает полученный им от автора в 1864 г. проект реформы арабского алфавита.

Вероятно, к тем же годам относится его знакомство с известным арабским литератором эмигрантом Ризкаллахом Хассуном (ок. 1823—1878 гг.), переводчиком басен

¹ Последним указанием я обязан покойному Н. О. Лернеру на основании «С.-Петербургского некрополя» (I, 1912, 247). Умер он скоропостижно в Казани, если доверять воспоминаниям И. Н. Захарына-Якунина (Встречи и воспоминания, СПб., 1903, 241—242), в которых есть хронологические неточности.

² Список генералам по старшинству, СПб., 1890, 13 г. Там же сообщаются следующие сведения о его производстве в чинах: 1845 — прапорщик, 1859 — полковник, 1867 — генерал-майор, 1878 — генерал-лейтенант.

³ Русский архив, 1898, I, 125.

⁴ Русская старина, XXX, 1881, 200.

⁵ Сведения там же.

⁶ Зап. Инст. востоковед., II, 6.

⁷ Материалы для истории факультета восточных языков, I, СПб., 1905, 483—484. Этим указанием я обязан Г. Г. Гульбину.

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, XII, 1181.

² Там же, 1182.

³ Первоначально помещена в «Калужских губернских ведомостях» (1859, № 44), а затем перепечатана в «Военном сборнике» (т. 10, 1859, № 12, отд. 2, 517—524).

Крылова.¹ В библиотеке Ленинградского восточного института был экземпляр сборника с переводом их, напечатанного в Лодоне в 1867 г., с автографом стихотворного посвящения Богуславскому.² Помимо этих материалов, разнообразные интересы Богуславского иллюстрирует и то обстоятельство, что библиотека С.-Петербургского университета благодаря ему обогатилась ценной рукописью, касавшейся библиографии произведений известного историка Ибн Хаджара (1372—1449). Она настолько заинтересовала В. Р. Розена, что описанию ее он посвятил тотчас же даже специальную статью.³ Рукопись была пожертвована Богуславским в начале 1879 г. через посредство профессора В. Д. Смирнова (1846—1922),⁴ который познакомился с ним, вероятно, в связи со своим интересом к Турции.

Тому же В. Р. Розену пришлось впоследствии дать отзыв о переводе Корана Богуславского, отзыв, который до сих пор оставался неизвестным. Ему предшествовала почти годовая канцелярская процедура. В протоколе заседания Историко-филологического отделения Академии Наук № VIII 7 мая 1897 г. имеется § 83 следующего содержания: «Вдова генерал-лейтенанта Богуславского предлагает вниманию Академии рукописный перевод Корана, выполненный с арабского языка покойным

ее мужем. Положено ожидать доставления предлагаемой на рассмотрение Академии рукописи». Сама рукопись была представлена почти через 10 месяцев, и в протоколе заседания № IV 25 февраля 1898 г. § 28 гласит:

Непременный секретарь представил на усмотрение Отделения полученное им от г-жи Богуславской письмо нижеследующего содержания: «Покойный муж мой, член Военно-учебного комитета Главного штаба ген.-лейт. Д. Н. Богуславский посвятил значительную часть жизни своей изучению восточных языков и оставил после своей смерти неизданный рукописный перевод Корана с арабского на русский язык.

«В виду значения, какое может иметь этот труд, редкий сам по себе, как ценный вклад в науку, я в настоящее время решилась представить этот перевод в Академию Наук

³ Notiz über eine merkwürdige arabische Handschrift, betitelt فهرست مرويات شيخنا ابن حجر Melanges asiatiques, VIII, 1879, 691—702.

⁴ Об этом совершенно определенно говорит В. Р. Розен в своей статье. Недоразумением приходится считать указание «Списка... рукописям Библиотеки И. СПб. Университета» (отд. отд. стр. 5) о том, что она пожертвована в 1882 г. и что фамилия жертвователя Богушевич. Последнее недоразумение исправлено в печатках (стр. 49); дата 1882 г. невозможна уже потому, что описание В. Р. Розена опубликовано в 1879 г. (Данной в списке ссылки на инвентарь библиотеки, приложение к протоколам заседания совета, V, 1881—1882, 198, я не мог проверить за отсутствием этого издания в библиотеке).

¹ Об этой любопытной фигуре см. мою статью «Ризкаллах Хассун, переводчик басен Крылова на арабский язык» (Вост. сб., I, Л., 1926, 13—36). Она может быть теперь значительно дополнена рядом деталей. (Ср. C. Broskelmann, GAL, S B, II, 757—758, № 11.)

² Бывший шифр 6, к. 85. Само посвящение на титульном листе имеет следующий вид:

هدية الى ذي المجد الآتيم ولي النعم السيد بوغوسلفسكى الافخم المحترم تذكاراً

لا ياد لا يفى بوصفها القلم

من تصارييف الزمن
كنت فيه الممتنه
صانه رب القدر
وحمى ظل ظليل
خدمة المولى الجليل
مع تحيات مكررة

من مؤلفه

رزق الله حسون

م

نفثاتي ذا شجن
يوم ذل و محن
ان رزق الله من
بات فى حصن منيع
يتحف الجزء البديع
غير ذا لا يستطيع

и ходатайствовать через посредство Ваше об издании его Академии. Прошу при этом, по напечатании, выдать безвозмездно в мое распоряжение 100 экземпляров, с правом их продажи.

«Прилагаю письмо ко мне проф. арабского языка И. Г. Нофалю по поводу представленного перевода Корана».

Положено письмо г-жи Богуславской вместе с переводом Корана и письмом проф. Нофалю в подлиннике передать на рассмотрение академику барону В. Р. Розену.

Следов упоминаемого письма И. Г. Нофалю мне не удалось разыскать ни в делах Академии, ни в корреспонденции В. Р. Розена. Отзвывая же свой он представил к заседанию 1 мая, и в протоколе № VII под § 81 записано следующее:

Академик барон В. Р. Розен читал нижеследующее донесение:

«Представленный вдовой генерала Богуславского рукописный перевод Корана, сделанный прямо с арабского, снабжен предисловием переводчика, генерала Богуславского, с пометою от 26 мая 1871 г. В этом предисловии говорится, между прочим, следующее:

„Перевод этот не предназначался к печатанию. Живя долгое время на Востоке и занимаясь в свободное от служб время мусульманской литературой, я начал перечитывать внимательно Коран, делать из него выписки и переводить самые трудные и темные места, пользуясь комментариями мусульманских ученых. Это меня заинтересовало и я незаметно перевел почти весь Коран. Возвратясь в Россию, я узнал, что существует русский перевод Корана, но не с подлинника, а с французского перевода Казимирского. Взяв этот перевод и начав его сличать с подлинником, я заметил большие отступления и неточности, а в некоторых местах Корана смысл перевода был даже прямо противоположен смыслу арабского подлинника. . .

„Это дало мне мысль окончить мой перевод и дополнить его комментариями и объяснительными примечаниями, взятыми исключительно из мусульманских источников. . .

„Я ограничиваюсь только изданием точного и по возможности буквального перевода Корана с арабского подлинника и примечаний к нему, переведенных с турецкого языка, из книги Меуакиб, изданной в прошлом году в Константинополе Измаилом Феррух Эфенди. . .“

«Из приведенных слов генерала Богуславского явствует, что причиной, побудившей его к изданию перевода Корана, было то обстоятельство, что на русском языке не было еще перевода Корана, сделанного прямо с арабского. Но в 1878 году появился такой перевод, именно перевод Г. Саблукова, изданный в Казани в 1878 г. Перевод Г. Саблукова весьма хорош, хотя, конечно, в отдельных случаях не совсем безупречен, что вполне понятно и извинительно, так как вполне безукоризненный перевод Корана едва ли вообще возможен без очень обширного комментария. Едва ли я ошибусь, предположив, что именно появление перевода Саблукова заставило генерала Богуславского отложить издание в свет составленного им перевода, который ныне предлагается Академии для издания.

«Из всего сказанного выходит, что такое издание никоим образом не может быть признано входящим в задачи Академии, так как перевод генерала Богуславского, несмотря на все его достоинства, не может, конечно, считаться шагом вперед на пути объяснения Корана или, другими словами, не вносит ничего нового и оригинального в нашу науку. Поэтому я полагаю бы необходимым отклонить ходатайство вдовы генерала Богуславского об издании перевода Корана на счет Академии.

«Но вместе с тем я считаю долгом засвидетельствовать пред Отделением, что перевод генерала Богуславского отличается крупными достоинствами и в общем не уступает переводу Саблукова, ставшему вдобавок едва ли не библиографическою редкостью. Поэтому нельзя не признать весьма желательным, чтобы нашелся издатель для перевода генерала Богуславского; при таком издании, однако, было бы крайне необходимо самый перевод снабдить хотя бы короткими примечаниями. Переводчик таковые очевидно изготовил в достаточном количестве, как явствует из цифр, вставленных в перевод, но в представленной Академии рукописи этих примечаний нет».

Положено предложение вдовы ген.-лейт. Богуславского относительно издания Корана отклонить.

После этого рукопись Богуславского выплыла снова только через 30 лет, но к счастью выплыла в полной сохранности и даже с теми примечаниями, ссылки на которые Розен заметил в рукописи, но которые не были представлены в Академию. Имея в своем распоряжении этот любопыт-

ный труд, я неоднократно к нему обращался и дважды упомянул в печати.¹

В прошлом году по просьбе Нью-Йоркской публичной библиотеки мною в письме было сообщено внешнее описание рукописи; оно нашло себе место в очень полезном библиографическом обзоре славянских переводов Корана, помещенном в бюллетенях библиотеки.² Последнее обстоятельство и дало ближайший повод к характеристике работы Богуславского несколько подробнее, чем это сделал 40 лет тому назад по случайному поводу Розен.

Рукопись Богуславского распадается на две неравные части. Первая, заключенная в синюю папку с заголовком «Коран, с арабского переведенный г.-л. Д. Н. Богуславским», содержит самый перевод Корана на 418 страницах большого формата с маленькими полями слева; листы перенумерованы автором; на последнем, 105-м листе, записаны только две страницы. Рукопись представляет собой беловой, тщательно переписанный экземпляр, но с довольно многочисленными поправками, сделанными автором в различное время разными чернилами. Имеются немногочисленные поправки карандашом, карандашные NB и вопросительные знаки; они не всегда принадлежат автору, некоторые, быть может, исходят от И. Г. Нофаля, об отзыве которого упоминалось в заявлении вдовы переводчика. Рукою Розена вычеркнуто только одно слово в первой суре синим карандашом. Наряду с полной нумерацией сур и стихов на полях отмечены «части» (= джуз'), «отделы» (= ызб) и их половины. В самой рукописи только три незначительных примечания (сура 11, 74; 20, 90 и 35, 23). Все остальные примечания отмечены цифрами последовательно в каждой суре и вынесены отдельно. К рукописи перевода за предисловием приложено два листа, перегнутых пополам, с поправками к французскому переводу Казимирского, на одной стороне листа (всего 4 стр.).

¹ Zur Bedeutung von an-nağm im Koran, Sure 55 (ДАН-В, 1930, 184, прим. 15—16) и «Неизданное письмо Шамиля» (Зап. Инст. востоковед., II, 1933, 6, прим. 3).

² Составлен он заведующим славянским отделением библиотеки А. У (armolinski): The Koran in Slavonic. A List of Translations. Compiled by the Slavonic Division of the New York Public Library (Reprinted from the Bulletin of the New York Public Library of February 1937). New York, 1937, 8—9. Там даны точные сведения о всех русских переводах: Посникова, 6; анонимном рукописном начале XVIII века, 7; Вережкина, *ibid.*; Колмакова, 7—8; Николаева, 8; Богуславского, 8—9; Саблукова, 9; Крымского, 9—10; упомянут и подготавливаемый мной перевод, 10.

Вторая часть рукописи вложена в белый лист графленой бумаги, на котором сделана надпись «Комментарии к переводу Корана Д. Н. Богуславского. Всего 56 листов». Внутри перед текстом несколько иное заглавие: «Объяснительные примечания к Корану по мусульманским источникам и преданиям» — впоследствии зачеркнутое. И в примечаниях тоже имеются изредка приписки карандашом (напр. сура 5, 37 = стр. 17, сура 17, 1 = стр. 29 дважды и т. д.) Как и перевод, все примечания написаны рукой Богуславского.

И задачи и приемы работы определенно характеризуются предисловием. В своем отзыве Розен привел его в извлечениях; для полной оценки необходимо ознакомиться с ним целиком.

Перевод этот не предназначался к печатанию. Живя долгое время на Востоке и занимаясь в свободное от службы время мусульманской литературой, я начал перечитывать внимательно Коран, делать из него выписки и переводить самые трудные и темные места, пользуясь комментариями мусульманских ученых. — Это меня заинтересовало и я незаметно перевел почти весь Коран.

Возвратясь в Россию, я узнал, что существует русский перевод Корана, но не с подлинника, а с французского перевода Казимирского. Взяв этот последний перевод и начав его сличать с подлинником, я заметил большие отступления и неточности, а в некоторых местах Корана смысл перевода был даже прямо противоположен смыслу арабского подлинника.

В доказательство справедливости моих слов, привожу здесь выписки некоторых мест, наиболее бросающиеся в глаза даже при поверхностно внимательном чтении; что же касается мелких неточностей, то они встречаются едва не на каждой странице.

Это дало мне мысль окончить мой перевод и дополнить его комментариями и объяснительными примечаниями, взятыми исключительно из мусульманских источников.

От собственных критических взглядов и замечаний я совершенно воздержался, потому что после добросовестных ученых трудов по этой части Caussin de Perceval'я, W. Muir'a, Sprenger'a, G. Weil'я и Noeldeke было бы слишком самонадеянно думать сказать что-либо новое и оригинальное.

Я ограничиваюсь только изданием точного и по возможности буквального перевода Корана с арабского подлинника и примечаний к нему,

переведенных с турецкого языка, из книги М е у а к и б, изданной в прошлом году в Константинополе Измаилом Феррух Эфенди.

Заранее прошу снисходительности читателей за все неправильности языка и а р а б и з м ы, от которых, при буквальном переводе, очень трудно избавиться.

В снисходительности специалистов, хорошо знакомых с арабским языком, я вполне уверен, потому что они более чем кто-либо могут оценить все трудности буквального перевода Корана на европейские языки.

В своей оценке перевода Казимирского Богуславский совершенно прав: он выполнен солидным ориенталистом, но в основе более практиком, чем ученым, для которого перевод Корана был только очередным случайным делом, а не работой, вызванной специальными интересами. Примеры неточностей и неправильностей, приводимые Богуславским, вполне ясны и могут быть умножены в значительной степени. Если перевод Казимирского пользовался популярностью почти до 20-х годов настоящего века, то это объяснялось, с одной стороны, его практическим удобством, а, с другой, отсутствием более новых на французском языке. В настоящее время и для Франции он имеет историческое значение и вытесняется рядом появившихся недавно (Mardrus, 1926; Montet, 1925—1929; Laimèche, 1931; Pesle, 1936). Для русской литературы перевод Николаева сыграл почти такую же роль, как его оригинал во Франции. Он избавил от необходимости обращаться к старым переводам XVIII в. и, связанный по своему происхождению с кружком славянофилов, отличался хорошим литературным языком. Этим объясняется большое количество выдержанных им изданий: ньюйоркская библиография насчитывает (стр. 8) пять: с 1864 по 1901 г. Даже когда появился в 1878 г. перевод с подлинника Саблукова, перевод Николаева не был окончательно вытеснен: в литературе отмечалось, что он удобопонятнее и легче читается.¹ Научного значения, как исполненный с французского перевода, он не имеет: это явление

русской переводной литературы, но не арабистики.

Богуславский отчетливо подчеркивает свою задачу дать точный, по возможности буквальный перевод на основе комментариев «мусульманских ученых», пользуясь «исключительно мусульманскими источниками»; он указывает даже свое главное руководство — турецкое сочинение «Меуакиб» Измаила Фаррух Эфенди, изданное в Константинополе в 1870 г.¹ В связи с этим привлечение европейской научной литературы не входит в его намерения: судя по перечню фамилий в предисловии, он знаком с ней в полном объеме крупных явлений этой области к концу 60-х годов, но отклоняет от себя задачи, выдвигаемые этими трудами. Его перевод и примечания являются, таким образом, отражением традиционных представлений о Коране — подход, который, конечно, имеет свои основания и в известной мере нужен для понимания эволюции мусульманского мира. Такая тенденция господствовала почти во всех европейских переводах до последнего времени. К ней примыкает и перевод Саблукова; разница лишь в том, что он находится под влиянием мусульманских произведений, популярных у татар, Богуславский — популярных в Турции; примечания Богуславского можно по идее сопоставить с известным комментарием к Корану Wherry (1896), основанным на мусульманских сочинениях, принятых в Индии. Только в последнее время в связи с успехами исламоведения замечается стремление и при переводе Корана отрешиться от традиционных влияний и подойти к нему, как памятнику своей эпохи и среды, используя не малые уже результаты европейских исследований.

Влияние турецкого источника выступает в работе совершенно отчетливо, иногда как бы подчеркивается им самим в передаче отдельных слов или имен (напр. сура 2, 136 киблэ; 3, 17, 79 исям; 5, 102 Бахирэ, Василэ и т. д.). В отдельных случаях это

¹ Автор — Исма'Ыл Фаррух — умер в Стамбуле в 1256/1840 г. Некоторые сведения о нем дает Брусалы Меҳеммед Тәхир в своем своде, عثمانلى مؤلفلى (I, Стамбул, 1333, 394—395). Издания этого сочинения — Тафсир ал-мавакиб — он не упоминает, но экземпляр имеется в Институте востоковедения. Даты печатания в нем нет, и, таким образом, указание Богуславского дает возможность ее установить. Двухтомный труд был закончен автором, как говорится в самом сочинении (II, 524), в 1246/1830—1831 г. Представляет он в сущности перевод персидского комментария مواهب عليه известного Хусейна Вә'иза, ум. 1505 г.

¹ Резкий отзыв о переводе Саблукова цитируется, между прочим, А. Крымским (История мусульманства, I—II, М., 1904, 144, прим. 2): «В переводе г. Саблукова мы находим места совершенно непонятные, даже просто бессмысленные». Справедливость требует указать, что аналогичные примеры отмечались и в переводе Николаева: достаточно вспомнить имеющуюся у него передачу суры 67, 22 («Человек, ползая возделывающий землю лбом, лучше ли направлен того, кто идет прямо по прямому пути»).

влияние сказывается в не совсем точном воспроизведении арабских слов на турецкий лад. Какие-либо другие источники, кроме турецких (и арабских или персидских через турецкую передачу), согласно установке автора не привлекаются; особняком стоят цитаты двух еврейских слов (сура 1 и сура 19, 15 = стр. 33). Количество цитируемых источников достаточно велико, но, по всей вероятности, они взяты из вторых рук — из того комментария Исма'ила Фарруха, который он называет в своем предисловии. Ввиду этого не представляется необходимостью приводить полного их списка. Часты здесь ссылки на известного апокрифического комментатора Ибн 'Аббаса, встречается известный ал-Бейдави (сура 2, 115; 3, 43; 49, 5 и т. д.), «Кюшаф» (т. е. ал-Кашшаф аз-Замахшари, сура 3, 48 и др.), «Кадри Эйяд» (т. е. 'Бийад, сура 38, 12) и много других. Анализ их представляет интерес не столько уже для работы Богуславского, сколько для характеристики его турецкого источника.

При непосредственной оценке перевода надо исходить, главным образом, из двух обстоятельств — поставленных задач и научно-литературных взглядов эпохи. Богуславский хотел дать лишь «точный, почти буквальный» перевод; идеи адекватного литературного перевода в области восточных произведений тогда, можно сказать, не возникали. Было бы поэту бесполезно подходить к переводу с точки зрения стиля или художественности: наши взгляды сильно отличаются от принятых в 60-х годах, хотя некоторые неловкости в переводе Богуславского чувствовались в этом смысле иногда и его современниками.¹ Во всяком случае основное требование при разборе перевода сводится к верности его в том смысле, как автор ее понимал. В предисловии не упомянуто, по какому тексту Корана выполнен перевод; естественнее всего предполагать в основе или одно из казанских изданий или одно из многочисленных изданий Flügel-Redslob (с 1834 г.). Применяемое Богуславским распределение стихов вполне совпадает с последним,² и поэтому сличение произведено мною применительно к нему. Варианты во всех известных к 60-м годам изданиях были крайне незначительны; спе-

циальной литературой о них Богуславский, конечно, не пользовался, так как в его эпоху речь об этом почти не заходила.

Естественно ожидать, что такой большой труд, выполненный все же неспециалистом, не будет свободен от недостатков. Прежде всего в нем можно установить ряд неверных переводов не столько целых фраз или конструкций, сколько отдельных выражений.¹ Иногда ошибки повторяются систе-

матически: например 2, 157: **و لا هم يُنظرون** 'и бог не обратит на них взгляда своего' (надо: и не будет им дано отсрочки) = 3, 82. Иногда ему остаются непонятны известные из грамматики обороты, как, напр., так называемая форма «изумления», 18, 25: **اِبْصُرْ بِهِ**

و اسمع 'взирай на него и слушай' (надо: как он видит и слышит!) или 19, 39: **اسمع بهم و ابصر** 'обрати их внимание' (надо: как они увидят и услышат! . . .).

Некоторые из этих неверных переводов относятся к местам, игравшим важную роль в истории ислама, напр. стих 3, 153: **و شاوهم في الامر** 'подавай им советы в делах их' (надо: и советуйся с ними о деле), которым обосновывались конституционные требования, или: 6, 101 **و لم تكن له صاحبة** 'он не имеет равного' (надо: и не было у него подруги), направленный против христианских догматов.

Иногда неверный перевод объясняется смешением близких форм или значений, напр. 19, 11: **ثلاث ليالٍ سوياً** 'ровно три ночи' (надо: три ночи, будучи здоровым); 19, 49: **و ادعوا ربّي** 'призывайте господа моего' (надо: я призываю господа своего); 23, 117: **فتعالى الله الملك الحق** 'да будет возвеличен бог, царь правды' (надо: и велик Аллах, царь, истина); 50, 35: **فانقبوا في البلاد** 'обойдите страну и посмотрите, есть ли убежище от гнева нашего' (надо: и искали на земле, есть ли убежище); 62, 7: **لا يتمنوه ابداً بما**

قدّمت ايديهم 'но вы никогда не пожелаете ее по причине дел ваших' (надо: но они никогда не пожелают ее за то, что раньше совершили их руки); 71, 27: **ديّاراً** 'ни одного дома' (надо: ни одного живущего в доме = никого); 88, 1: **هل اذك حديث الغاشية** 'дошла ли до тебя сокрытая весть

¹ Так, например, на полях перевода суры 7, 189 при словах «... если ты дашь нам сына, хорошо сформированного» карандашом приписано: «Нельзя ли заменить: сложенного, сотворенного». Замечание вполне справедливо и показывает, что читатель не был нечувствителен к вопросам стиля. В данном случае не существенно, что перевод неточен (в тексте стоит **صالحاً** 'благого', 'праведного').

² Как установлено теперь в науке, оно далеко не всегда правильно.

¹ Перевод мною сличен с текстом полностью; для подтверждения своих выводов я привожу, конечно, не все отмеченные мною примеры, а ограничиваюсь только немногими образцами.

(о воскресении)' (надо: дошел ли до тебя рассказ о «покрывающем») и т. д.

Из отдельных неверно переведенных слов можно отметить, напр., 2, 66: *لا شية* 'не знавшая самца' (надо: нет отметины на ней); 2, 255: *خَلَّة* 'купля' (надо, дружба); 3, 131: *سُنَن* 'наказания' (надо: обычаи); 5, 92: *والانصاب* 'статуи' (надо: жертвенники) = 70, 43: *نُصُب* 'идолы'; 24, 29: *فيها متاع لكم* 'вы можете это делать свободно' (надо: в нем ваше достояние). В известном рассказе про Соломона и царицу Савскую название птицы хуудх (27, 20), даже фонетически соответствующее русскому удудо, почему-то передано словом «кукушка».

Иногда попадают и неверно понятые фигуры стили, напр.: 2, 274: *لا يستطيعون*

'не могут оседло поселиться на земле' (надо: они не могут двигаться по земле); 12, 106: *وما يؤمن اكثرهم*

'большая часть из них не верит в бога, хотя и не придает ему других божеств' (надо: и не верует большая часть из них в Аллаха без того, чтобы не присоединять к нему товарищей; 33, 60: *والمرجفون في المدينة* 'то они исчезнут из Медины' (надо: и распространяющие слухи в Медине).

Ряд характерных случаев неверного разделения конструкций объясняется, как и в других переводах, невниманием к знакам паузы, часто дающим возможность установить знаки препинания. Сура 2, 221: *والله*

يدعوا الى الجنة و المغفرة بالذنه ويبين

'бог зовет вас в рай и к прощенью. По воле своей он объясняет людям свои знамения' (надо: Аллах зовет к раю и прощенью с своего дозволения и разъясняет он свои знамения людям) (в каирском издании после *يَاذنه* стоит знак возможной паузы). Перевод Богуславского нарушает и грамматическую конструкцию.

Сура 13, 8: *انما انت منذر ولكل قوم هاد*

'но ты только проповедник и руководитель для всех народов' (надо: поистине, ты только увещатель, и у всякого народа есть руководитель) (после *منذر* в каирском издании стоит знак возможной паузы). Сура 42, 44: *الذين خسروا انفسهم و اهليهم*

يوم القيامة ألا ان الظالمين في عذاب مقيم 'погубившие самих себя и свои семейства. — Разве в день воскресенья грешники не будут преданы вечному мученью?' (надо: ... которые нанесли убыток самим себе и своим семьям в день воскресенья. О, ведь несправедные в постоянном мученьи!). После

القيامة в каирском издании знак предпочтительной паузы; в переводе второй части неправильно понята частица восклицания *ألا*).

Наряду с неверными переводами попадают переводы неточные, напр. 2, 183:

لعلهم يتقون 'может быть, вы убоитесь его' (надо: может быть они будут богобоязненны); 2, 201: *الحرث والنسل* 'пашням и скоту'

(надо: посевам и потомству); 3, 140: *و تأين*

'сколько пророков сражались против многочисленных полчищ' (надо: сколько пророков, с которыми сражались многие толпы); 19, 89:

و نسوق المجرمين الى جهنم ورا 'в день, когда мы свергнем преступных в геенну' (надо: и погоним грешников в геенну, как стадо на водопой); 21, 92: *ان هذه ائمتكم*

'все эти религии ваши суть одна религия' (надо: поистине, этот ваш народ — народ единый) = 23, 54 (с вариантом перевода «ваша религия есть единая религия»).

Иногда встречаются мелкие пропуски:

2, 176: не переведено *خيرًا* 'и; в суре

3, 148 в связи с повторением одинакового слова пропущена в переводе часть фразы *وليمحس ما في صدوركم* Параллельно с этим иногда попадают ненужные добавления, обоснованные смыслом контекста, но не выраженные в оригинале: 2, 110: *سبحانه* 'всехвальный, какое богоульство!' или *هي* 'это времена, определенные людям для их пользы' и т. д.

Весь этот разбор показывает, что безукоризненным перевод Богуславского называть нельзя, однако отсюда было бы ошибочно заключать, что он хуже какого-либо перевода, существовавшего в его время в пределах поставленных им задач. Свою основную цель — дать представление о понимании Корана в мусульманских кругах поздних эпох — он достигает вполне.

Конечно, с точки зрения современной науки и русской переводной литературы перевод Богуславского имеет теперь только историческое значение; однако В. Р. Розен был совершенно прав, подчеркнув в своем отзыве, что он «отличается крупными достоинствами и в общем не уступает переводу Саблукова». Историческое значение его станет еще отчетливее, если такому же анализу подвергнуть и перевод Саблукова; теперь через 60 лет после его выхода в свет суд будет, вероятно, несколько иной, чем у современников,¹ но это не умалит в исто-

¹ В частности, я имею в виду рецензию Я. Б. (= Япей Бабай = Е. Малов) в «Православном собеседнике» за март 1878 г. (отд. отт. 20 стр.).

рической перспективе заслуг такого труженика, каким был Саблуков, выросший и действовавший совсем в другой среде, чем Богуславский, хотя и одновременно с ним.

И. Крачковский

Август 1937 г.

A. Caferoğlu. *Anadolu dialektolojisi üzerine malzeme*. I. Balıkesir, Manisa, Afyonkarahisar, Isparta, Aydın, İzmir, Burdur, Antalya, Muğla, Denizli, Kütahya vilâyetleri ağızları. İstanbul Üniversitesi yayınları: 105. Edebiyat Fakültesi Dil Semineri. İstanbul 1940. Bühraneddin matbaası. XIII + 216. 8°.

До самого последнего времени изучением анатолийских диалектов занимались, преимущественно, европейские ученые.¹ Первые научно-поставленные записи анатолийских диалектов были сделаны русским туркологом, воспитанником Восточного факультета СПб. университета Виктором Максимовым.²

Планомерное изучение турецкой диалектологии в Турции начинается лишь с момента организации (26 IX 1932) Турецкого лингвистического общества — *Türk Dil Kurumu*, называвшегося до 1936 года «*Türk Dili Tetkik Cemiyeti*».³ Рецензируемая работа Ахмеда Джафероглу «Материалы по диалектологии Анатолии. I. Говоры вилайетов Балыкесира, Манисы, Афиён-карахисара, Испарты, Айдына, Измира, Бурдура, Анталии (Адалия), Муглы, Денизли, Кютахья»⁴ является первой крупной работой по диалектологии, принадлежащей перу турецкого лингвиста.⁵

¹ Из работ последнего десятилетия отметим обстоятельные записи ряда анатолийских диалектов, сделанные Martti Räsänen'ом (*Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien*. I. Sivas vil. *Studia Orientalia*, V, 2. Helsingforsiae, 1933; II. *Yozgat vil.*, *ibid.* VI, 2, 1935; III. *Ankara, Kaiserli, Kırşehir, Çankırı, Afion vil.*, *ibid.*, VIII, 2, 1936).

² В. Максимов. Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгаре и Карамании. СПб., 1867.

³ Программа работ и Устав общества опубликованы в органе общества «*Türk Dili*» (№ 1, Nisan, 1933, Ankara).

⁴ Рецензии: Şerif Hulusi, журн. *Ülkü*, cild: XV, sayı: 87, Mayıs, 1940, s. 286—287. — Orhan Şamhal. *Anadolu dilleri üzerine prof. Caferoğlu'nun kitabı*. *Türk Dili*. Seri II. Sayı: 3—4, s. 72—76.

⁵ Из турецких работ по диалектологии, вышедших в последние годы, отметим: Z. Fahri. *Lehçe i Erzegum*. (Halk

Диалекты западной и юго-западной частей Анатолии, которым посвящена работа А. Джафероглу, были частично освещены в работах В. Максимова (op. cit.), М. Ресенена (op. cit. III, Afion vil.), К. Фоя (K. Foy. *Das Aidinisch-Türkische*. Keleti Szemle, I, 1900, 177—194; 286—307), Т. Ковальского (T. Kowalski. *Dialectes turcs-osmanlis*, Enc. de l'Islam, t. IV, livr. O, p. 968—988). В приведенном списке не учтены фольклорные сборники, не являющиеся, как правило, вполне пригодным материалом для диалектологических штудий, так как чисто лингвистический момент в них отходит на второй план.

Обследование диалектов указанных выше вилайетов было проведено автором в течение 1936—1939 гг. Летом 1936 г. были обследованы вилайеты Балыкесир, Маниса, Кютахья, летом 1937 г. — Афиёнкарахисар, Измир, Айдын и Денизли, летом 1938 г. — Измир, летом 1939 г. — Анталия (Адалия), Бурдур, Испарта и Мугла.

Автор не считает (стр. VII—VIII), что его работа дает полное и всестороннее описание упомянутых диалектов, более того, он отмечает (стр. VIII), что по независимым от него обстоятельствам диалекты вилайетов Кютахья, Денизли и Мугла представлены совершенно недостаточным количеством материала.

Во время своих поездок по указанным районам автором были собраны сведения по играм анатолийских детей (*Anadolu çocuk oyunları*), которые составят т. II «Материалов». Кроме того, автор собрал некоторые данные, которые войдут в т. III «Материалов», по «арго ремесленников» [*esnaf «argot» su (sic!)*] и «тайному языку» (*gizli dil*) юрюков и анатолийских аширетных (кочевых) племен; последние, однако, по заявлению автора (стр. X), нуждаются в дополнении и доработке.

Диалекты записаны действующим в Турции латинизированным алфавитом, дополненным некоторыми специальными знаками и буквами (стр. XII—XIII).

Работа состоит из оглавления (стр. 1—V), предисловия (стр. VII—XIII) и девяти разделов (*bölüm*), восемь из которых посвящены отдельным диалектам (стр. 1—143), девятый — словарь (стр. 145—216).

Bilgi Mecmuası, cilt I, s. 164. — Ömer Asım. *Gaziantep dilinin tetkiki*. Gaziantep, 1933. — H. Hüsnü. *Kayseri Sözlüğü*. Kayseri Halk evi kitapları, 1934. — Zeyl. *Türkçenin dialektal fonetiği üzerine küçük bir deneme*. *Türk Dili*, II, Nisan, 1935. — Hamit Zübeyr, İshak Refet. *Ana dilden derlemeler*. Ankara. 1932. XVI + 448 + 1 kapra. *Türkiyede halk ağzından söz derleme dergisi*, Cilt. I, A—D. İstanbul, 1939, s. 495. (Издание Турецкого лингвистического общества).